

В.А. КРЕМЕНИУК*

НОВАЯ КАТЕГОРИЯ: СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США

Уходит в прошлое волна материалов, порождённых лозунгом «перезагрузка» российско-американских отношений. Как обычно и бывает, большинство пишущих на эту тему поиграли с ней, выразили в зависимости от своих симпатий или антипатий либо восторг, либо недоумение и переключились на новые сюжеты. В этом нет ничего удивительного: на отношениях с Америкой свет клином не сошёлся, а в повестке дня российской внешней политики имеются и другие сюжеты, может быть, не столь впечатляющие и масштабные, как отношения с США, но не менее волнующие и драматичные, например, положение в Южной Осетии и Абхазии или бесконечные ссоры с Украиной.

И всё же проблема отношений с США остаётся наиболее важной. Если говорить серьёзно о перспективах России, её экономического роста, места в мировой иерархии, её безопасности, то без определённой ясности в отношениях с США не обойтись. Можно, конечно, заигрывать с Китаем, можно демонстративно «дружить» с Ираном или Венесуэлой, можно всячески выказывать собственную «самостоятельность», но нельзя ни на минуту забывать о важности для России выстраивания стабильных, приемлемых и партнёрских отношений с Вашингтоном. От этого зависят не только многие аспекты международного положения страны, но и развитие её экономики, технологической оснастки, научных достижений. Короче, отношения с США должны рассматриваться на уровне главных проблем национальной безопасности, как одна из её самых серьёзных и ответственных категорий.

В этом смысле предложенная президентом США Бараком Обамой «перезагрузка» не может и не должна оставаться лишь темой для сиюминутных модных разговоров, о которых забывают на следующий день. Она подлежит всестороннему и углублённому анализу, который способен дать ответы на следующие актуальные вопросы: что такое «перезагрузка», в чём состоит её смысл, насколько она способна улучшить российско-американские отношения – и что означает это «улучшение», в какой степени оно отвечает стратегии национальной безопасности обеих сторон и согласуется с общим контекстом международных отношений, а также что надо сделать, чтобы «переза-

* КРЕМЕНИУК Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН. Copyright © 2009.

Статья написана в рамках гранта РГНФ «Российско-американские отношения в XXI веке: проблемы и перспективы» № 09-03-00772 а/р.

грузка» не осталась в памяти лишь красивым словом, ассоциируемым с периодом очередных радужных надежд?

Для экспертного сообщества это означает, что надо, прежде всего, определить смысл и содержание предложенной модели поведения обеих держав и выяснить, насколько она отвечает их интересам, насколько она подкреплена (или, наоборот, не подкреплена) имеющимися ресурсами и реальными расчётами, что надо было бы привлечь дополнительно для её реализации, если она окажется приемлемой для обеих сторон, и какую стратегию реализации предложить. Чтобы было ясно, о чём идёт речь, можно рассмотреть такую схему: «перезагрузка» означает предложение, во-первых, остановить сползание отношений от плохих к худшим, вплоть до новой «холодной войны» (возможность которой исключать никак нельзя); во-вторых, попытаться вернуть эти отношения к той «развилке», на которой были предприняты решения и акции, приведшие к ухудшению отношений (и, прежде всего, найти эту «развилку»); в-третьих, определить вектор нового движения, который привёл бы стороны к удовлетворительному состоянию отношений.

Однако при этом не может не беспокоить один очень важный аспект: реалистична ли сама постановка вопроса об «улучшении» отношений? Ведь одно дело, когда эти отношения «улучшались» в период Горбачева – Рейгана (середина и конец 1980-х годов), когда речь шла о совместных усилиях по избежанию ядерной катастрофы и любое движение подальше от её опасности уже считалось «улучшением». И совсем другое, когда этой опасности более нет (или её вероятность существует лишь теоретически) и вопрос стоит о строительстве иной модели взаимоотношений. Опыт истекших после окончания «холодной войны» почти 20 лет свидетельствует, что, в сущности, проблема выбора этой модели обеими сторонами не решена: отношения между ними практически не преодолели уровень торжественных деклараций о «стратегическом партнёрстве» (1993 г.) и остались заложниками конъюнктуры. Иногда они звучат дружелюбно, чаще – говорят о взаимном раздражении; слава богу, почти не звучат враждебно, хотя временами и это случается. Поэтому остаётся вопрос: можно ли ставить серьёзную и долгосрочную задачу перестройки российско-американских отношений или же это – за пределами реальных возможностей?

Система взаимодействия между Россией и США

Дать ответы на эти вопросы может помочь новая аналитическая категория – категория «системы взаимодействия» между США и Россией. Смысл её в том, чтобы не ограничивать анализ взаимосвязей между обеими державами (как и вообще любой иной «диадой» или пары государств) только состоянием их непосредственных отношений, которые зависят от решений глав государств и могут меняться в соответствии с ними. Эти отношения могут быть разными – хорошими, не очень хорошими, плохими, но суть дела не просто в исследовании их состояния, а в выявлении и оценке всей совокупности связей между странами, включая, конечно же, их прямые отношения, в определении их истинных масштабов. Ведь иногда даже лидеры не знают до конца, насколько сильно могут меняться отношения между их странами вследствие существо-

вания каких-то скрытых резервов. В качестве примера можно привести следующий случай: непосредственные отношения между США и Советским Союзом в канун Второй мировой войны не отличались особой близостью, но стоило гитлеровской Германии напасть на СССР 22 июня 1941 г., как оказалось, что потенциал сотрудничества между двумя странами просто огромен и может вырасти даже в союз военного времени. Это было для многих в Москве и других столицах большой неожиданностью. Гитлеровская стратегия эту возможность, скорее всего, вообще не рассматривала.

Следовательно, речь идёт о том, что во взаимодействии любой пары государств, особенно – крупных и влиятельных, имеется почти не учитываемое поле, где их интересы соприкасаются и взаимодействуют, но лишь косвенно, не становясь объектом их прямых отношений. И задача состоит, во-первых, в том, чтобы выявить всю совокупность этих взаимосвязей; во-вторых, привести их в определённую систему; в-третьих, сопоставить их объём и характер с объёмом и характером имеющихся межгосударственных и других прямых отношений и, наконец, выявить, насколько эти отношения отражают имеющийся потенциал, содействуют его реализации или же, наоборот, не дают этому потенциалу стать сферой углублённого сотрудничества. Такой анализ, в частности, должен дать ответ на вопрос о том, возможна ли «перезагрузка» российско-американских отношений и, если возможна, то что надо сделать, чтобы на самом деле изменить их действующую парадигму.

Начнём с попытки объяснить, в чём состоит «система взаимодействия» двух крупных и мощных держав. Видимо, для начала было бы полезно сопоставить, в качестве первого уровня анализа, их исходные базовые характеристики, такие как размер территории и численность населения, демографические характеристики (возрастная структура населения, динамика роста, доходы, уровень образования), производство ВВП – общего и на душу населения, объём и структура бюджета государства, расходы на науку и оборону, участие населения в политическом процессе и многое другое. Безусловно, таких сопоставлений уже сделано немало, но большинство авторов робко останавливались на уровне количественных сопоставлений, избегая не всегда приятных для России логических и политических выводов. А весь смысл этих сопоставлений (в частности, при сравнении России и США) состоит в том, чтобы определить, насколько сильно изменились комплексные характеристики обеих держав и о каких отношениях между ними можно говорить: симметричных, асимметричных, близких, не очень близких и т.п.

Даже беглое перечисление некоторых параметров обеих держав (население, ВВП, бюджет, вооружённые силы, производительность труда), пока не переходя к таким чисто внешнеполитическим показателям, как число союзников и коалиций, уровень расходов на внешнюю политику, оборону и помощь другим государствам, состояние и дислокация вооружённых сил за рубежом и т.п., показывает, что характер взаимодействия между Россией и США всё более смещается в сторону неравенства (по сравнению с периодом «холодной войны») и это прямо налагает на их отношения какие-то сильные ограничители. Напомним, что численность населения США – более 300 млн. человек, России – более 140 млн. человек; ВВП США в 2008 г. – 13,4 трлн. долл., России –

1,4 трлн. долл.; бюджет США в 2009 г. – 3 трлн. долл., России – около 300 млрд. долл. (по официальному курсу).

Ясно, что у обеих сторон существенно отличаются исходные характеристики и поэтому объём ресурсов, выделяемых каждой на внутреннее развитие и внешнюю политику, весьма неодинаков. Идёт ли речь о новой конфронтации или же, наоборот, о возможности сотрудничества, ясно, что каждая из них будет опираться на свои ресурсы и поэтому их роли будут существенно различаться. Но, прежде чем делать окончательные выводы относительно двух стран, исходя только из количественных показателей их ресурсов, надо ещё, в качестве второго уровня анализа, сопоставить их реальные и потенциальные возможности в решении целого ряда важных международных проблем. Только сопоставление их возможностей в этой сфере может дать представление о том, какой характер может иметь их взаимодействие.

Перед современным мировым сообществом стоит ряд острейших нерешённых проблем из области безопасности: военной, энергетической, финансовой, экономической, демографической (в том числе в сфере здравоохранения), продовольственной. Страны Запада, добившись заметных успехов в развитии экономики и роста благосостояния своего населения, в обеспечении его свободного и благополучного существования, создали своего рода образец, желательный ориентир общественного прогресса. Можно, конечно, высмеивать его или бессодержательно критиковать, доказывать его «бездуховность», но фактом остаётся, что уровень и качество жизни в странах Запада неизмеримо выше, чем где-либо ещё, и большинство людей в остальных странах, включая Россию, желают того же. Однако достижение этого уровня и его поддержание наталкиваются на различного рода угрозы природного и политического свойства: похолодание или, наоборот, потепление климата, ухудшение качества окружающей среды, финансовый кризис, эпидемии смертельных болезней, терроризм и многое другое. Возникают, в качестве первоочередных проблем национальной и международной политики, и специфические проблемы безопасности.

Эти проблемы представляют собой вызов двойного действия: с одной стороны, каждое государство пытается найти свои собственные рецепты их решения с опорой на свои ресурсы, и вокруг распределения этих ресурсов в основном и происходит политическая борьба; с другой – они требуют организации совместного отпора со стороны всех ответственных участников мирового сообщества. Там, где это возможно, действуют местные средства, в частности когда имеются проблемы, связанные с обеспечением продовольствием, здравоохранением, энергетическими ресурсами и т.п. Там, где нужен коллективный ответ, отрабатываются коллективные действия: военная безопасность, экология, финансы. В тех сферах, где это возможно и выгодно, сочетаются индивидуальные усилия отдельных стран с коллективными действиями, особенно в областях, где национальный суверенитет мешает решению проблем, например в вопросах, связанных с предотвращением глобального потепления, загрязнения океанов и воздушного пространства.

Одним из главных следствий процессов глобализации стало то, что поиск ответов на вызовы в адрес безопасности отдельных стран приобретает универсальный характер. В одних сферах имеется положительный опыт развитых

стран, нашедших решения в таких областях человеческого бытия, как обеспечение населения жильём, транспортом, здравоохранением, продовольствием и т.д. И здесь международный аспект заключается в том, чтобы организовать и финансировать процесс передачи опыта развитых стран развивающимся, не только ради абстрактных идеалов гуманизма, но и для построения стабильного человеческого сообщества. В других сферах, в частности в сфере военной безопасности, индивидуальные решения практически невозможны, даже там, где имеются, казалось бы, надёжные региональные механизмы, например НАТО. Здесь нужны весьма серьёзные коллективные действия всех заинтересованных стран, чтобы предотвратить военные конфликты. Наконец, имеются сферы, в которых возможны только совместные решения: климат, океаны, космос, финансы, нераспространение оружия массового уничтожения и т.п.

И практически везде стоит один и тот же вопрос: найдётся ли такое начало в современных международных отношениях, которое будет в состоянии либо взять на себя прямое решение этих проблем, либо организовать коллективные усилия, направленные на их решение. Этим и отличается современная эпоха от предыдущих. Если раньше, даже в годы «холодной войны», шла борьба между претендентами на лидерство ради реализации их индивидуальных идеологических или материальных интересов, то сегодня проблема мирового лидерства звучит иначе. Лидером станет тот, кто сумеет найти решения актуальных глобальных, региональных или локальных проблем и тем самым завоеует доверие и признательность других стран. И мощь каждого претендента на лидерство измеряется этими качествами. Вероятно, поэтому потерпела столь сокрушительное поражение внешнеполитическая стратегия президента Дж. Буша-мл., который явно переоценил возможности США в единоличном решении современных проблем, а на деле лишь привёл к бессмысленному переиспользованию американских ресурсов и тупику в решении проблем безопасности.

Президент Б. Обама правильно оценил этот итог политики своего предшественника и сделал для себя два важных вывода. Первый состоит в том, что современные проблемы сами по себе не решаются, их надо во что бы то ни стало решить как в интересах Америки и её союзников, так и в интересах всего мирового сообщества; а второй – что для этого США должны изменить парадигму своей внешнеполитической стратегии, перестать брать на себя прямое решение крупных проблем и, наоборот, играть роль организатора усилий мирового сообщества, тем самым создавая более гомогенную политическую среду. Частью этого вывода и стала задача «перезагрузки» российско-американских отношений. Но, по всей видимости, речь идёт не просто о том, чтобы стать «добрыми приятелями» с Россией, а о том, чтобы составить список проблем, в решении которых Россия может сыграть заметную роль (от главной до второстепенной), и предложить ей почётные условия совместных действий (это уже задача дипломатии).

Лозунг «перезагрузки» российско-американских отношений породил немало размышлений и в США. В первой половине 2009 г. появились по меньшей мере пять крупных докладов научно-экспертного сообщества, подготовленных Советом по внешним сношениям, Атлантическим советом, Центром международных и стратегических исследований, Фондом Никсона и некоторыми дру-

гими, и одной из главных тем в них была глубокая переоценка возможностей и роли России. Если при предыдущей администрации в отношении России чаще звучали ноты сомнения в её ценности в качестве партнёра США (что, среди прочих причин, и привело к таким близоруким односторонним решениям, как выход США из Договора по ПРО 1972 г., установка на включение Украины и Грузии в НАТО, развёртывание третьего позиционного района американской ПРО в Европе), то на этот раз, наоборот, практически в каждом из докладов, адресованных не столько российской аудитории, сколько американской, авторы тщательно расписывали возможности России и её важность как для реализации индивидуальных проблем Америки, так и для состояния всей мировой системы.

Возможности и реальности

В принципе, американские специалисты правильно оценивали возможности России. Несмотря на то, что страна потеряла статус «сверхдержавы», который был у Советского Союза, всё же она осталась одним из крупнейших игроков в международных отношениях. Её ядерный потенциал равен американскому, она единственная располагает возможностью полного уничтожения США (как и любого иного противника) в считанные часы. Вероятность такого развития считается бесконечно малой, но полностью о ней забывать нельзя. Россия располагает передовой технологией создания ядерного оружия, и уже одно это делает дружбу с ней крайне привлекательной для любого государства, желающего заполучить такое оружие. Равно как и без дружбы с Россией нельзя решить проблему нераспространения оружия массового уничтожения.

Россия располагает технологией освоения космического пространства. Сейчас уже многие государства в состоянии производить или покупать околоземные спутники связи либо другого назначения, но их запуск и вывод на орбиту пока ещё остаётся уделом немногих – США, России, Франции, Китая. Среди претендентов на освоение космического пространства пока только США и Россия имеют возможность производства и использования полного цикла необходимой технологии освоения космоса. Россия при этом опережает США и другие страны в технике исследования океанских глубин и сверхглубокого бурения. Некоторые научные разработки в России также ставят её на первое место среди развитых стран. Говоря коротко, Россия – не «северная Саудовская Аравия», вся ценность которой в наличии огромных запасов энергетического сырья и его добыче.

Однако и забывать о том, что Россия является одним из крупнейших производителей и экспортёров энергетического сырья – нефти и газа (а также низкообогащённого урана для АЭС) нельзя. Объём запасов энергетических ресурсов в России, как и неоднократно доказанная способность их добывать, перерабатывать и экспортировать, является важнейшим показателем российской мощи, а также её роли в решении проблем энергетической безопасности. Россия остаётся одним из главных мировых производителей древесины, алюминия, стали, а потенциально – и продовольствия, если её руководители, наконец, найдут правильное решение вопросов собственности на землю и развития на этой основе

сельскохозяйственного производства. При таких чернозёмах, которые есть в России, стыдно продолжать оставаться импортером продовольствия.

Конечно, в России, как и во многих других странах, достаточно пессимистов, не верящих в возможность её превращения в передовую технологически развитую державу. И это понятно, потому что начиная с правления Николая I (1825–1856 гг.) развитие страны постоянно тормозилось её отсталой и консервативной политической системой. И даже в XX веке в период индустриализации, позволившей создать мощную военную промышленность, общий уровень страны, показатели её социально-экономического развития оставались весьма скромными. Особенно тяжёлыми для страны были периоды голода 1921–1922 гг., 1932–1933 гг., 1947–1948 гг. и даже 1963 г., проблему которого удалось решить поставками зерна из США и Канады. Между прочим, надо отметить, что «успехи» социалистического сельского хозяйства в предотвращении голода в СССР с конца 1960-х годов и до начала 1990-х годов объяснялись, главным образом, поставками из США зерна (от 5 до 7 млн. т в год), куриного мяса («ножки Буша»), других видов продовольствия.

Реальные расчёты в России и в США показывают, что Россия в принципе способна решить проблемы, связанные с модернизацией страны, её переходом на более высокий уровень политического, экономического, технологического и социального развития. Этот путь уже прошли послевоенные Германия, Италия и Япония, его осилили Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Мексика, Бразилия. На пути – Китай и Индия. Совсем не обязательно для этого ставить вопрос об оккупации страны, как это произошло с Японией, Германией, Кореей, Тайванем. Новые модели модернизации, использованные в Индии, Китае и Бразилии, показывают, что в современных условиях, когда отсутствуют конфронтация и напряжённая борьба за сферы влияния, за источники ресурсов, вполне можно переориентироваться на «врастание» страны в контекст мировой политики и экономики и проникновение в неё зарубежных инвесторов, новых технологий, опыта менеджмента и других составляющих прогресса. Естественно, это не придёт само собой и никто его не принесёт на «блюдечке с голубой каёмочкой». За это надо бороться, но не пушками и танками, а умом, интеллектом, знанием.

Поэтому, указывая на потенциально мощные активы России, зарубежные и наиболее компетентные отечественные специалисты отмечают, что между оценкой перспектив и потенциальных возможностей России и реализацией стратегии её модернизации – огромная дистанция, которую можно преодолеть, если выработать дерзкую и адекватную стратегию развития, если не держаться за устаревшие и обветшавшие институты, если не бояться широкого привлечения иностранного опыта, специалистов и капиталов (как это было во времена Петра Великого, превратившего отсталую средневековую Московию в мощную по тем временам империю). По сути, перед лидерами России сегодня стоит задача того же рода: построив с помощью Запада империю, Пётр избежал превращения России в колонию более развитых стран; осуществив стратегию модернизации и даже, в какой-то степени, «вестернизации» России, сегодняшняя элита предотвратит угрозу дальнейшего распада российского пространства и обеспечит её мирную трансформацию из империи в современную развитую нацию.

Казалось бы, какое всё это имеет отношение к российско-американским отношениям? Если почитать и послушать некоторых доморощенных «стратегов», то интересам США как раз и отвечало бы сокрушение России, её распад и дестабилизация. И действительно, читая некоторых особо активных русофобов в США (З. Бжезинский, М. Олбрайт, Р. Холбрук), можно прийти к выводу, что именно в этом и состоит главный стратегический интерес США. Но это не так. Можно почитать другие работы, написанные более ответственными и прозорливыми специалистами. Можно просто трезво подумать над тем, что более всего беспокоит американский истеблишмент и его руководителей. И тогда становится ясно, что среди первоочередных проблем национальной безопасности США остаётся проблема будущего России и её богатств. И не потому, что кто-то хотел бы ими завладеть.

Угроза дальнейшего распада России для Соединённых Штатов – это в первую очередь угроза расхищения её ядерного арсенала. Неспециалисты и те люди в России, кто настроен против США в силу разных причин, мало знают о том, какие усилия и какие средства направили США после распада Советского Союза на то, чтобы помочь России остаться единственным ядерным наследником СССР и не допустить распространения ядерного оружия среди бывших советских республик, на территории которых были размещены советские ядерные средства – Украина, Белоруссия, Казахстан. Кроме того, США оказали огромную помощь России в создании современной технически оснащённой системы хранения и учёта ядерных боеголовок и средств доставки (программа Нанна – Лугара, по которой США предоставили России безвозмездно технологии на сумму около 1,2 млрд. долл.). Эта проблема может вновь возникнуть, если тенденции к распаду России продолжатся и претендентами на её ядерное оружие станут радикалы разных мастей.

Вторая угроза, которая не может не беспокоить США в связи с судьбой России, это – что произойдёт с её огромными ресурсами, какую роль сыграет борьба за них в современном мире. С одной стороны, вполне возможно предположить, что ими завладеют наиболее сильные соседи России, например Китай. В этом случае он настолько усилится экономически и геополитически, что может стать серьёзной угрозой глобальным интересам США: китайская экономика и военная мощь в сочетании с ресурсами Сибири будут неодолимыми для них. С другой стороны, возможен сильнейший военный конфликт из-за обладания этими ресурсами между Китаем и другими претендентами, в частности Японией и Южной Кореей. США обязательно будут втянуты в этот конфликт в силу имеющихся союзных обязательств, хотя война на Азиатском континенте вдали от Америки является одним из самых нежелательных для США военных сценариев.

Таким образом, проблема модернизации России становится для США наиболее оптимальным выбором из всех возможных вариантов, и это входит, в том числе, в задачи «перезагрузки». Но в таком случае остаётся вопрос о том, почему такого пересмотра значения и роли отношений с Россией не произошло раньше? Почему об этом заговорили только сейчас и что помешало России и США выйти на такое понимание проблемы их взаимоотношений при предыдущих администрациях? Это уже третий уровень анализа системы взаимодействия между Россией и США.

Баланс достижений и упущенных возможностей

Сейчас самое время попытаться дать общую оценку развитию российско-американских отношений после окончания «холодной войны». Иначе трудно будет понять, где находится та самая «развилка», после которой эти отношения начали развиваться в сторону ухудшения. Как представляется, на умонастроения лидеров США и других стран Запада после 1991 г. сильное влияние оказали идеи «победы» Запада в борьбе против коммунизма, «поражение» не столько коммунистической идеологии, сколько России и её бывших союзников, идеи сформулированной Ф. Фукуямой концепции «конца истории». Как-то в одночасье на Западе забыли о той огромной роли, которую сыграл Советский Союз в окончании «холодной войны», и, наоборот, убедили себя, что произошло не крушение определённой идеологии, а крушение «империи», созданной СССР на руинах гитлеровского рейха.

Можно было бы рассматривать этот момент как сугубо частный и имеющий отношение лишь к схоластическим спорам специалистов, если бы он не оказал столь сильного влияния на ряд принятых Соединёнными Штатами и их союзниками весьма рискованных решений в 1995–1999 гг. Они коренным образом изменили и общую глобальную ситуацию, и отношения между Россией и США. Весьма примечательно, что сегодня Европа, а также Россия и США, возвращаются к идее создания системы коллективной безопасности в евроатлантической зоне, которая стояла на повестке дня в 1993–1994 гг. и базировалась на понимании необходимости выстраивания структуры, основанной на сотрудничестве между НАТО и Россией. Потребовалось 15 лет, чтобы осознать, что принятое в январе 1995 г. на саммите НАТО в Брюсселе решение о приглашении Чехии, Польши и Венгрии войти в состав альянса было крупной стратегической ошибкой, как и вся идея «расширения» НАТО.

Североатлантический альянс, успешно переживший период конфронтации во время «холодной войны», не стал сильнее оттого, что в него влились указанные три страны, за ними – страны Балтии, Румыния, Болгария, а позднее – Албания, Хорватия и другие. Но отношения с Россией, в том числе и перспективы её полномасштабного сотрудничества с Западом в области безопасности в Европе, обострились. Ещё больший кризис в этих отношениях был вызван войной НАТО против Югославии. В числе главных жертв этих решений альянса, помимо Сербии и её территориальной целостности, следует назвать безусловное поражение готовых к сотрудничеству с Западом сил и государственных деятелей в России и последовавшее торжество консерваторов и силовиков. Вначале президент Б.Н. Ельцин уволил в отставку министра иностранных дел А.В. Козырева, который разрабатывал систему реалистического партнёрства между Россией и Западом. В 1999 г. после войны в Югославии в отставку было отправлено одно из наиболее компетентных и многообещающих правительств России во главе с Е.М. Примаковым. А затем и самого Ельцина попросили покинуть Кремль и отдать бразды правления страной выходцам из спецслужб.

Не видеть этой взаимосвязи невозможно. Под впечатлением «победы» в «холодной войне» Запад во главе с США похоронил идею включить Россию в число тех, кто определяет мировую политику (исключение составляет при-

глашение России в «восьмёрку» развитых стран в 1997 г., но это скорее была попытка подсластить горькую пилюлю, в то время как мнением России стали пренебрегать и в Совете Безопасности ООН, когда затевалась война в Югославии, и в Европе в таких важных сферах, как нераспространение ядерного оружия, когда это оружие появилось у союзника США – Пакистана). Различного рода паллиативы, наподобие Совета Россия – НАТО (2002 г.) или даже участие России в работе «восьмёрки» не помогли. Пользуясь удачной конъюнктурой рынка энергетических товаров, Россия постепенно выходила из стадии застоя и активно искала свой собственный путь, но не в рамках сотрудничества с Западом. В этом смысле сближение с Китаем, вызвавшее столь нервную реакцию в США, оказалось одним из удачных ходов российской дипломатии, равно как и сотрудничество с Ираном или даже игры с Уго Чавесом.

Россия нашла способ сохранить свою мировую роль, но не в одной лодке с Западом. Умные и проницательные деятели в США, например Г. Киссинджер, понимали, что Соединённые Штаты чем-то очень сильно уязвили Россию и оттолкнули её от курса на сближение. Россия нашла силы укрепить собственные отношения с Европой, использовать на полную мощь энергетический фактор, а США при этом остались в стороне. Сказать, что возникла опасность утраты Соединёнными Штатами своего доминирующего положения в НАТО, было бы явным преувеличением, но Россия стала играть роль второго притягательного центра для тех в Европе, кто был недоволен крайне эгоистической политикой президента Дж. Буша-мл. и его авантюрой в Ираке.

Отто фон Бисмарку приписывают наблюдение: «Россия никогда не была столь мощной или столь слабой, как это кажется со стороны». В конце второго срока пребывания в Белом доме президент Дж. Буш-мл. фактически признал среди прочих своих ошибок (Ирак – на первом месте), что он явно недооценил значение России для глобальных интересов США. Его попытка поправить положение подписанием в Сочи в апреле 2008 г. Декларации о сотрудничестве с президентом В.В. Путиным свидетельствует о том, что его видение России сильно изменилось, но что-либо менять было уже поздно. Декларация представляла собой перечисление всех тех вопросов глобальной политики, решить которые без России невозможно: борьба против терроризма, и особенно ядерного терроризма, нераспространение ядерного оружия, контроль над движением расщепляющихся материалов, проблемы противоракетной обороны, энергетической безопасности, финансовых рынков, глобального изменения климата и многие другие, подлежащие немедленному решению или решению в течение предстоящего десятилетия.

По сути, подписание этого документа содержало косвенное признание того, что политика США в отношении России под влиянием неуместных шовинистических соображений, столь характерных для американского неоконсерватизма, оказалась ошибочной. Дж. Буш стал жертвой довольно распространённой болезни политиков разного уровня: завышенная оценка своих возможностей и заниженная – противостоящей стороны. Из-за этого пострадали в своё время Наполеон и Гитлер, президент США Л. Джонсон, развязавший войну во Вьетнаме, и сам Дж. Буш, попавший в ловушку в Ираке. Теперь была необходима иная стратегия, но времени на её разработку у президента Дж. Буша уже не оставалось. Решить её предстояло Бараку Обаме.

«Перезагрузка» и «система взаимодействия»

По итогам изучения американских докладов о России и встреч с американскими специалистами Совет по внешней и оборонной политике России (СВОП) подготовил свой доклад. Главная его достопримечательность и новизна состоят в том, что эксперты совета подготовили своего рода матрицу сопоставления главных и второстепенных (от «жизненно важных» до «второстепенных») интересов США и России на международной арене. Если не вдаваться в детали, то результатом этого сопоставления стало несколько неожиданное для многих заключение, что по ряду вопросов первостепенной важности (военная безопасность, климат, экономика, терроризм) интересы США и России отнюдь не противоречат, а скорее взаимодействуют и дополняют друг друга. Для людей, привыкших судить о российско-американских отношениях с эмоциональных позиций или с чужих слов, этот вывод покажется абсурдным и даже кощунственным. Но трезвый анализ показывает, что реальный потенциал сотрудничества между обеими странами весьма велик и недоиспользован.

В самом деле, что мешает США и России строить систему эффективного взаимодействия, которая была бы полезна обеим сторонам и всему мировому сообществу? Идеологических разногласий, ради которых стоило идти на самоубийственный конфликт, между ними больше нет. Имеются «фобии» или «несимпатии», связанные с отдельными чертами национального характера или образа жизни, но в принципе всё это несущественно. Трудно найти в их взаимоотношениях следы серьёзных трений по поводу экономических проблем. Нет особо острых проблем в связи с состоянием глобальной системы – ООН, режимы безопасности, нераспространение, контртерроризм: всё это только в пользу сотрудничества. Что остаётся – Украина, Грузия, Балканы, какие-то иные региональные конфликты? И ради этого две ядерные державы готовы соперничать и даже продолжить гонку вооружений? Как-то даже неудобно говорить об этом всерьёз. Но, тем не менее, системы эффективного сотрудничества между обеими странами пока что нет, и отношения колеблются, как стрелка барометра, между «ясно» и «пасмурно», а иногда даже грозят «бурей».

Можно понять, что, наверное, было нерезонно ставить вопрос о создании системы эффективного взаимодействия между обеими странами сразу после окончания «холодной войны». На советско-американской встрече на Мальте в декабре 1989 г. президент США Дж. Буш-старший выступил с речью о «новом мировом порядке», который должны были создать и гарантировать обе державы. Но вскоре Советский Союз распался и США остались на верхушке мировой пирамиды в одиночестве. Отвечало ли на том этапе интересам США спасти Россию, как самый крупный осколок СССР, и заключать с ней какие-то обязывающие соглашения? США и без того содействовали сохранению за Россией хотя бы части активов Советского Союза – его ядерного статуса и места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Позднее они содействовали включению России в состав «восьмёрки». Мог ли Вашингтон сделать больше? Вероятно, да, но его позиция в этом отношении зависела от того, что происходило на постсоветском пространстве: закончился ли процесс его дезинтеграции или же в нём просто наступила пауза? Какие формы примет становление

новых государств: демократические (и тогда они потенциальные союзники), квазидемократические (и тогда с ними можно сотрудничать, но лишь до известных пределов), авторитарные (и тогда они возвращаются в разряд врагов Америки)? До какой степени США могут позволить себе вмешательство в процессы, происходящие на бывшем советском пространстве?

Эти и многие другие похожие вопросы, конечно же, затрудняли выбор адекватной стратегии США. Гораздо легче было перевести процесс выработки долгосрочной политики в режим ожидания. Справедливости ради надо признать, что и российское руководство не требовало ускорения принятия решений в Вашингтоне. Устанавливать какие бы то ни было стабильные и обязывающие соглашения с США в условиях крайней слабости России, когда ей требовалась помощь Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, было бы ошибкой, ибо это создало бы такую степень её зависимости от США, которая сковала бы свободу её действий. Надо было дожидаться лучших времен, когда Россия будет чувствовать себя сильнее («поднимется с колен») и уже тогда договариваться о каких-то взаимобязывающих формах отношений. А когда такое время наступило, в США у власти находились люди, в принципе неспособные думать и говорить в терминах «паритета».

Теперь нужны усилия, чтобы вывести эти отношения на совершенно новый уровень. Просто поставить такую задачу, не доказав её необходимости и важности для своей страны, не могут ни российский, ни американский президенты. Ни в одной стране задачи нового уровня и масштаба не решаются единолично. Нужны весьма серьёзные аргументы и веские доводы в пользу переориентации политики. И роль таких доводов могут сыграть как соображения укрепления существующего стратегического баланса (хотя его роль всё же значительно снизилась), так и соображения глобальной ответственности, в рамках которой имеются серьёзные предпосылки для российско-американского сближения. Особо настойчиво об этом говорит необходимость срочного взаимодействия в поиске выхода из финансового кризиса, который грозит всем участникам мировой экономики и преодолеть который можно только совместными усилиями. Что же касается более отдалённой перспективы, то имеется целый ряд задач глобального уровня, перечисленных в Сочинской декларации, которые надо решать в ближайшем будущем (например, проблема энергетической безопасности).

Решение указанных проблем существенно осложняется происходящими на мировой арене переменами. О них в группе развитых стран говорить не приходится: там остается сложившийся порядок и иерархия, которые должны быть подтверждены успешным выходом США из финансового кризиса. Но вот в других сферах отношений дела обстоят по-разному. Финансовый кризис выявил все слабые и сильные стороны перемен в странах переходного типа: России, Индии, Китае, Бразилии. Они пытаются найти возможности совместной реакции на вызовы в области экономики и политики, однако в то же время не могут до конца рассчитывать на соратников. Каждая из них хочет не только быстрее преодолеть этот кризис, но и продвинуться при этом как можно даль-

ше в достижении главной цели движения – по сближению уровней развития с группировкой развитых стран с последующим вхождением в их группировку.

Это вызывает определённые противоречия между группой развитых стран и странами переходного типа, в которой Соединённым Штатам приходится не столько поддерживать своих традиционных союзников, сколько играть роль арбитра между обеими группировками. Кроме того, Соединённые Штаты надо помнить и об угрозе со стороны радикального ислама, который демонстрирует успехи в Афганистане и оказывает жёсткое давление на правительство Пакистана, домогаясь контроля над пакистанским ядерным арсеналом.

Проблема пересмотра объёма и характера российско-американских отношений для нового президента США становится особенно актуальной. Он должен найти способ, который поможет ему сдвинуть дело с мёртвой точки и выйти на уровень сотрудничества более высокий, чем, возможно, даже на этапе окончания «холодной войны». Не следует ожидать в этой области лёгких успехов, потому что каждая из сторон по-своему разочаровывалась в итоге последних 15 лет и будет проявлять осторожность и недоверчивость. Но анализ системы взаимодействия между США и Россией показывает, что без решения многих проблем этого ряда (защита от террористических акций, укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения, правовых основ существующего порядка, достижение энергетической безопасности и защита окружающей среды) ни одна из сторон не добьётся успеха в реализации своей национальной повестки дня и в обеспечении всеобщей безопасности.

В этом отношении определённый оптимизм вызывает намерение президента Обамы, приуроченное им к встрече с российским президентом Д.А. Медведевым в Нью-Йорке на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, отменить решение предыдущей администрации о развёртывании третьего позиционного района американской ПРО в Европе. Президент Обама не стал торговаться по поводу этого своего шага и требовать от России чего-то конкретно взамен (хотя прямо сказал о желательности совместных действий по предотвращению появления ядерного оружия в Иране). Он просто продемонстрировал способность признать неуместность всей проблемы, связанной с российско-американскими спорами по этому поводу, и решить её самым простым и лёгким способом – отменить. По простоте и изяществу это напоминает решение М.С. Горбачёва вывести советские войска из Афганистана в 1988 г. и снять этот болезненный вопрос с повестки дня отношений между США и СССР в то время. Решение Б. Обамы об отказе от развёртывания американского эшелона ПРО в Европе, вместе с тем, сыграло роль приглашения российского президента к расширению диалога между двумя странами в дополнение к активному процессу переговоров по новому договору о сокращении стратегических наступательных вооружений, который должен быть подписан до конца 2009 года.

Лозунг «перезагрузки» российско-американских отношений включает и такую важную составляющую, как готовность США уйти от вопросов идеологического характера в отношениях с Россией (строительство демократического общества, торжество открытой политической системы, рыночных отношений и т.п.), перестать ставить уровень и характер отношений в зависимость от оценки состояния прав человека и демократических свобод и сосредоточить

сотрудничество на решении существующих проблем. Но вместе с тем это неизбежно поставит вопрос о способности России на самом деле решить существующие проблемы её собственного развития и задачи глобального характера.

Встречи глав государств и правительств стран «восьмёрки», а также более широкого круга («двадцатки») являются частью важного процесса разработки и принятия решений, от которых зависит стабильное состояние мировой системы. И здесь вряд ли уместны со стороны кого бы то ни было предложения, где речь идёт о защите интересов одной отдельной страны или, тем более, одной крупной корпорации. Попытки действовать таким образом сегодня способны лишь осложнить сотрудничество и продемонстрировать неспособность отдельных стран принимать участие в международном сотрудничестве, которое требует определённых формулировок существующих проблем, постановки задач их решения, оценки необходимых ресурсов и разработки стратегии действий. Поэтому и выдвижение задач «перезагрузки» нельзя воспринимать только как предоставление «паузы», а скорее как новый тест на зрелость, компетентность, способность решить задачи в духе глобальной ответственности и солидарности.

Постановка вопроса о «системе взаимодействия» между Россией и США позволяет не просто уйти от уже надоевших сюжетов в их взаимоотношениях, которые не способны ни обеспечить им больше безопасности, ни решить их проблемы. Это позволяет и по-новому взглянуть на привычные проблемы безопасности (стратегический баланс, защита от террористических пусков, урегулирование существующих конфликтов и предотвращение новых, создание новых архитектур безопасности в евроатлантической зоне и, возможно, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке), сочетать их с вызовами завтрашнего дня, когда на повестку дня встанут вопросы климата, космоса, освоения океанов. В силу природы своего политического мышления обе державы обладают способностью концентрироваться на текущих проблемах, а также смотреть в будущее. В своё время им удалось решить такие сложные и масштабные задачи, как разгром держав «оси» в период Второй мировой войны и прекращение «холодной войны» в конце 1980-х годов. В этой связи нельзя исключить, что и на нынешнем этапе, когда возникает перспектива поисков глобальных решений по обеспечению безопасности планеты и свободному развитию населяющих её народов, Россия и США сумеют внести посильный вклад, отвечающий их возможностям.